

УДК 37.013.43

Н.М.Копытцева**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БИОГРАФИИ А.К.ТОЛСТОГО***Институт непрерывного педагогического образования НовГУ*

In the article the author gives a round-up of the main points of A.K.Tolstoy's biography. These points can assist for understanding of Tolstoy's literary works.

В 2007 году исполнится 190 лет со дня рождения замечательного русского поэта Алексея Константиновича Толстого. Он воистину был *родом из детства*. Немногим из русских поэтов выпало счастье воспитываться, развиваться, образовываться при таких благоприятных обстоятельствах, как он. За год до своей кончины в автобиографическом письме к флорентийскому профессору А. де Губернатису он написал: «Мое детство было очень счастливым и оставило во мне одни только светлые впечатления» [1].

Родился будущий поэт 24 августа 1817 г. в Санкт-Петербурге, в богатой дворянской семье. По материнской линии происходил из рода Разумов-

ских. Его прадед Кирилл Разумовский был последним гетманом Малороссии, а дед Алексей Кириллович — сенатором Екатерины II и министром народного просвещения при Александре I. Мать, Анна Алексеевна Перовская, славилась своим умом, добротой и красотой. В 1816 г. она вышла замуж за графа Константина Петровича Толстого, брата известного художника, вице-президента Академии художеств Ф.П.Толстого. Род Толстых вел свое начало от полулегендарного Индраса, выехавшего в Чернигов из Литвы, и от его потомка Харитоновича, переселившегося из Чернигова при великом князе Иоанне III.

Брак с пожилым вдовцом был столь неравным, что даже родной брат его считал, что он никогда не должен был жениться на Анне Алексеевне, которая была слишком умна для него. «Еще шесть недель, — пишет Толстой в приведенном выше письме, — я был увезен в Малороссию матерью моей и моим дядею со стороны матери, Алексеем Алексеевичем Перовским, бывшим позднее попечителем Харьковского университета и известным в русской литературе под псевдонимом Антона Погорельского. Он меня воспитал, и первые мои годы прошли в его имении» (423). Это имение — село Погорельцы Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Спустя короткое время ребенок был отвезен в другое родовое имение Мглинского уезда той же губернии — Красный Рог. «Красный Рог — Москвы порог», — говорили с гордостью местные жители: у речки Рожок москвичи бились когда-то с литовцами; по преданию, лед реки был красным от пролитой крови, поэтому эту местность и назвали Красным Рогом.

Дядя заменил мальчику отца. С именем А.А.Перовского связаны самые светлые воспоминания Толстого. Это был образованнейший человек своего времени, питомец Московского университета, талантливый писатель, участник войны 1812 года...

Будучи сам человеком честным, ответственным, великодушным и чрезвычайно трудолюбивым, он талантливо вел по этой стезе и своего даровитого воспитанника.

В отзывчивые детские и юношеские годы будущий поэт жадно вслушивался в наставления своего мудрого дядюшки, который написал для него (во многом и о нем) волшебную сказку «Черная курица, или Подземные жители» (1829). Это первая в нашей литературе (до Пушкина и В.Одоевского) детская сказка. Дядя понимал, что детство (каким бы благополучным оно ни было) не является «охранной грамотой» от дурных поступков. Поэтому имел горячее намерение вовремя оберечь воспитанника от всего худого, недостойного. Сказка заключала в себе нравственный урок: в ней отстаивались такие непреходящие духовные ценности, как доброта, скромность, верность в дружбе, чувство благодарности.

Любовная атмосфера дома, где бывали известные музыканты, писатели, большая дядина библиотека, мудрое воспитание, малороссийские леса, живописное приволье степей — вот чудные впечатления, которые воспринял мальчик в самую благодатную на добро эпоху своей жизни. Все это наложило глубокий отпечаток на его характер и всю дальнейшую судьбу. Неудивительно поэтому, что, будучи наделенным весьма живым воображением, мальчик «очень рано привык к мечтательности, вскоре превратившейся в ярко выраженную склонность к поэзии» (423).

Поэт напишет в своей автобиографии, что писать стихи начал с шестилетнего возраста под сильным впечатлением некоторых произведений «наших лучших поэтов», найденных в одном из толстых печатных сборников. Очевидно, это были прежде всего Жуковский, Пушкин... Книга столь поразила его, что он «таскал ее повсюду, изучал часами и вскоре знал ее наи-

зусть» (424). Обладая врожденным поэтическим даром, он с самых ранних лет «упивался музыкой разнообразных ритмов и старался усвоить их технику» (424). И хотя признавал свои первые опыты «нелепыми», но считал их в метрическом отношении безупречными. Первое стихотворение «Бор сосновый в стране одинокий стоит» было напечатано только в 1843 г.

В Красном Роге Алексей Толстой оставался до 1826 г., когда с матерью и дядей переехал в Петербург, где по протекции В.А.Жуковского был представлен цесаревичу и допущен в круг детей, с которыми проводил воскресные дни. С этих пор благосклонность цесаревича (будущего императора Александра II) никогда не оставляла его. Теплые сердечные отношения сложатся у него в недалеком будущем и с императрицей Марией Александровной, которой он часто будет читать свои стихи и которая высоко оценит его личность и талант.

В 1827 г. Алексей Толстой едет с матерью и дядей в Германию, где в Веймаре состоится чудовищная десятилетняя встреча с великим Гете, к которому он был проникнут глубочайшим уважением, поскольку много слышал о нем от окружающих. «От этого посещения, — читаем в автобиографии поэта, — в памяти моей остались величественные черты лица Гете и то, что я сидел у него на коленях» (424).

С этих пор до семнадцатилетнего возраста он беспрестанно путешествовал с родными и по России, и за границей, но, возвращаясь в те места, где провел детство, где впервые ощутил сладость поэтического слова, всегда испытывал глубокое волнение.

В тринадцатилетнем возрасте произошло событие, оставившее неизгладимый след в творческой судьбе поэта, — первое путешествие в Италию, на родину ренессансной культуры. Он так определит эту пору своей жизни: «Это — *артистическая* эпоха моей жизни — *мой XVI век*» (61).

Жажда высокого идеала, врожденное чувство прекрасного были удовлетворены вполне. Представшая пред взором во всем своем великолепии и грандиозности красота итальянской живописи, архитектуры помогла понять глубинную суть своей до краев наполненной восторгом души. Отныне он «сосредоточил все свои мысли и все свои чувства на любви к искусству» (61).

Так, детский восторг от картин малороссийской природы, отроческие впечатления от зарубежных поездок, от искусства Возрождения определили прочную духовную связь поэта с родной почвой и с Европой. «Европейскость» еще больше поворачивала его лицом к своему историческому прошлому, к русским корням. И сюжеты своих произведений он станет разрабатывать на отечественном материале, а обратившись к мировым сюжетам, будет разрешать их по-русски («Дон Жуан», «Дракон» и др.).

Домашнее образование продолжалось до половины 30-х годов, когда 18-летний Алексей Толстой вступил в число «архивных юношей» при московском Главном архиве Министерства иностранных дел и в качестве «студента архива» в декабре 1835 г. был допущен к выпускному экзамену в Московском университете «по наукам, составляющим курс наук словес-

ного факультета для получения аттестата на право чиновников первого разряда».

Первое печатное произведение (в прозе) появилось в 1841 г. под псевдонимом «Краснорогский», (в честь любимого имени Красный Рог). Это была фантастическая повесть «Упырь», в которой отразились впечатления от итальянского путешествия и о которой Белинский скажет: «Это небольшая... книжка носит на себе все признаки еще слишком молодого, но тем не менее замечательного дарования, которое нечто обещает в будущем...» [2].

На протяжении 40 — 50-х годов поэт печатается очень мало, не торопясь излить на бумаге «плоды заветных дум» (в это время написаны столь любимые и детьми и взрослыми «Колокольчики»). Много путешествует (Германия, Франция), спеша на весну-лето в Красный Рог; зимой жил в основном в небольшом имении Пустынька, ближе к Петербургу, к государю (служба поглощала массу времени, в разное время он будет занимать разные, но всегда высокие посты).

Переломным этапом в жизнедеятельности Толстого можно считать начало 50-х годов. Зимой 1851 г. поэт (ему шел тридцать третий год), сопровождавший будущего императора Александра II на маскарад, встретился на балу с Софьей Андреевной Миллер, урожденной Бахметьевой, ставшей впоследствии его женой (ей посвящено стихотворение «Средь шумного бала...»). Она не отличалась красотой, но была умной, много читала, хорошо знала мировую литературу, обладала замечательным слухом и голосом, знала четырнадцать языков. Прибавился еще один, едва ли не самый мощный источник вдохновения — радость семейной жизни. Цельный и неизменный в служении вечному, абсолютно, он предался служению другому, близкому человеку так же самозабвенно, как и своему поэтическому дару.

Осенью 1853 г. началась Крымская война. Поначалу, как известно, она была русско-турецкой — за господство на Ближнем Востоке. Но скоро союзниками Турции выступили Англия и Франция. Россия объявила им войну, во время которой рухнули ее многовековые планы: объединить всех славян и освободить от турок Константинополь, Гроб Господень — святыню христианства. Началась Севастопольская оборона 1854 — 1855 гг. Могла ли вынести душа поэта, видя, как «исконные, кровавые враги, соединяясь, идут против России»? Он собирает на свои средства добровольческий отряд; но, получив чин майора, поступает в стрелковый полк Императорской Фамилии, сформированный его дядей Л.А.Перовским, и выступает в поход на защиту Одессы. Он успел написать две патриотические песни, которые пелись в ротах: «Слава» (в печати появились под названием «Песня стрелков Императорской Фамилии») и «Чарочка». Вскоре в полку распространился сыпной тиф, унесший множество жизней. Заболел и Толстой. Но приехала Софья Андреевна, самоотверженно ухаживала за ним в военном госпитале, и он буквально ожил. В тяжелые минуты жизни именно к ней будет обращаться он за душевной и духовной поддержкой.

С окончанием войны кончилась и эпоха Николая I, началась эпоха Александра II. 26 августа 1855 г.

в Москве состоялась коронация нового царя. В этот же день Толстой был произведен в подполковники и назначен флигель-адъютантом с одновременным зачислением в делопроизводители Секретного комитета о раскольниках. Новый император нуждался в благородных высокообразованных людях. Но высокое назначение не могло обрадовать человека, который хотел «жить искусством и во имя искусства» и считал, что «служба и искусство несовместимы» (356). Правда, поначалу поэт все же надеется, что сумеет на новом поприще послужить соотечественникам: «выводить на Божий свет какую-нибудь правду и доводить ее до кого следует» (82). Однако действительность скоро развеяла благие надежды. Толстой подает прошение об отставке и в 1857 г. наконец-то освобождается от столь тяготившей его службы.

Он изначально был уверен, что *родился художником*, что его *настоящее призвание быть писателем*, всегда стремился *сделаться художником*, никогда не терял из вида поставленной перед собой цели, и вот желанный час наступил. За свободные от службы годы (1861 — 1875) поэт создает самые значительные свои произведения, пронеся до конца «стяг во имя Красоты» вопреки бесконечным нападкам цензуры, упрекам за дружбу с царем, за независимость убеждений, за просвещенный аристократизм свободной от каких-либо общественно-идеологических установок души («Двух станов не боец...»), за верность Красоте, Правде, Добру.

Нравственную направленность своей поэзии сам он характеризует, с одной стороны, как «отвращение к произволу, с другой — как ненависть к ложному либерализму, стремящемуся не возвысить то, что нужно, но унижить высокое» (426). Иначе говоря, он ненавидел деспотизм в любых его проявлениях, а также пошлость «прогрессистов» с их проповедью утилитаризма в поэзии, считая, что назначение поэта не приносить какую-либо непосредственную пользу, но возвышать моральный уровень людей, внушая им любовь к прекрасному.

В качестве же просто человека, пользуясь своими связями, близостью к императору, он принес непосредственную пользу самым разным людям: перевел своих крестьян на легкий оброк, помогал им деньгами, дровами, лечением, предоставлением бесплатной школы. Он ходатайствовал перед государем за «опальных» своих современников, в частности за Чернышевского — человека, принадлежавшего к чуждому ему общественному и литературному направлению; помог вызволить Тургенева из ссылки в деревню за его статью о Гоголе; пытался спасти Аксакова.

Все, кто имел счастье общаться с Толстым, отзывались о нем восторженно. «Подобной ясной и светлой души, — вспоминал известный общественный деятель князь А.В.Мещерский, — такого отзывчивого и нежного сердца, такого вечно присущего в человеке высокого нравственного идеала, как у Толстого, я в жизни ни у кого не видал» [3].

В подобном роде высказывались о поэте и многие другие его современники, отмечая его необыкновенную доброту, простоту, глубокую сострадательность к людям. Для него никакая, казалось бы,

самая высокая цель не могла оправдать худых для ее воплощения средств: вспомним знаменательные слова Годунова в третьей части толстовской драматической трилогии: «Кто, вспомня Русь царя Ивана, ныне / Проклятие за то бы мне нарек, / Что для ее защиты и спасенья / Не пожалел ребенка я отдать / Единого?» (425). Спустя десятки лет эти слова отзовутся в русской литературе в вопросе Ивана Карамазова: стоит ли «высшая гармония» «слезинки хотя бы одного только... замученного ребенка?» По Толстому, как и по Достоевскому, не может быть счастья, построенного на несчастье другого человека, тем более, на слезинке «замученного ребенка».

Проблемы целей и средств, вины, искупления, возмездия, составившие центральные коллизии заключительного, драматургического этапа толстовского

творчества, решал после А.Толстого и Ф.Достоевского весь XX век, пытаемся решать их и мы, люди уже XXI века. И нет задачи ни для семьи, ни для школы, ни для государства в целом более насущной и более значительной, чем эта, и приблизиться к ее разрешению может помочь нам поэт с таким чистым, правдивым, благородным сердцем, какое было у Алексея Константиновича Толстого.

-
1. Толстой А.К. Собр. соч. : В 4 т. / Вступ. ст. и примеч. И.Ямпольского. М.: Худож. лит. 1964. Т.4. С. 423. (Далее ссылки даются в тексте с указанием страниц).
 2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1979. Т.IV. С.466-467.
 3. Воспоминания князя А.В. Мещерского // Русский Архив. 1900. Кн. II. С.330.